

детей представляются знаковыми, они являются знаками детства, близости детей к природе и их интереса к ней. Прямые апеллятивные номинации птиц и качественные дериваты, литературные орнитонимы, отражая объективные признаки и качества номинантов в образной форме, обладают характерологическими свойствами и одновременно служат трансляторами энциклопедической информации о предметах и явлениях окружающей человека природы, которая занимает значительное место в общей картине мира человека и особенно важна для воспринимающего эту информацию читателя – ребёнка.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1989.
2. Евстигнеева М.В. Внутренняя форма слова в гносеологическом аспекте (на материале английских наименований птиц): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 1998.
3. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1999.
6. Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971.

ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Л. Г. Золотых

Астраханский государственный университет

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА ФРАЗЕМИКИ

Во фраземике отражается в преобразованном лингвокреативными процессами виде и физическая картина мира, и социально-психические состояния человека в этом мире, и сам человек с его эмоциями, чувствами, внутренним миром. Эта система в разных науках номинирована различными терминами – «картина мира», «концептуальная система мира», «модель мира», «образ мира» – и, соответственно, рассматривается с разных точек зрения. Введение в лингвистическую практику такого калейдоскопического терминообозначения обусловлено исследованиями, посвященными проблеме «человек в языке и язык человека» во всей её многоас-

пектности и сложности, что непосредственно связано с вторичным картированием мира.

Фраземы как косвенно-производные средства формирования концептосферы русского языка находятся в отношениях скрытой корреляции со структурами знания, их категоризацией и фразеологической репрезентацией. Исследование роли фразем в процессах категоризации и концептуализации мира позволяет выявить специфику фразеологического значения в его отношениях с основными когнитивными категориями.

В отношении с концептосферой русского языка фразеологическое значение репрезентирует базовые концепты русской лингвокультуры, связанные с этнокультурными константами русского менталитета. Иерархически упорядоченный фразеологический фрагмент концептосферы русского языка можно изобразить в виде «поля», где выделяется ядро и периферия. Многие концепты-константы оказываются практически невербализуемыми в русской фраземике или редко вербализуемыми. Также в процессе вербализации возможно соотнести одну фразему с несколькими концептами. Например, фразема *куры не клюют* – «Количество» и «Деньги», фразема *с три короба* – «Количество» и «Болтливость». Это свидетельствует о подвижности концепта и его принадлежности к сфере индивидуального мышления.

В отношении с картиной мира фразеологическое значение является генератором и интегрированным носителем универсальной и идиоэтнической информации, смысловое ядро которой генетически связано с представлениями-архетипами. Фразеологическая семантика в эпидигматике языкового сознания сохраняет образ мира, сформированный в социально-культурных анналах исторической памяти народа как ценностно-смысловой инвариант фразеологической модели «Человек в мире и мир человека».

Модель мира является отображением всей суммы представлений о мире внутри различных этносов. Вместе с тем следует отметить структурный характер модели мира, который во фраземике проявляется в каждой культуре в виде взаимосвязанных универсальных понятий, равнодоступных для общего восприятия всем человечеством и исходящих из общего культурно-исторического посыла.

Фраземы как репрезентаторы моделей мира несут информацию, содержащую элементы ценностных установок, представлений и стереотипов, сложившихся в определённом этнокультурном сообществе. Единицами косвенно-производной номинации они выступают благодаря лингвокреативному мышлению, специализирующемуся на категоризации (Г.В. Токарев) отражённых в сознании и уже ранее вербализованных объектов, представляющих наиболее значимый для данной модели мира национально-культурный опыт – аккумулируемый продукт ценностно-смысловой деятельности народа. Так, концепт «Лесть» может быть репрезентирован рус-

ской фраземой *Сахар Мёдович* – ‘льстивый, слащавый человек’, а в английском языке – фраземой *all sugar and honey* (букв. “весь из сахара и меда”). В английском языке отсутствует структура имени и отчества, поэтому английская фразема образована по иной модели «местоим. + сущ. + сущ.». Частичное совпадение компонентов при различной грамматической структуре объясняется общими фоновыми знаниями у носителей обоих языков, связывающих культурно маркированные единицы языка с соответствующими «квантами» материальной культуры.

Фразеологические модели мира как отображение всей суммы представлений о мире внутри различных этносов в исследовании фразеологической семантики являются порождающими моделями, состоящими из набора взаимосвязанных универсальных понятий в каждой лингвокультуре, равнодоступных для общего восприятия всем человечеством и исходящих из общего посыла. Такие факторы, как врожденная предрасположенность вырабатывать идентичные психические структуры, общие для носителей различных лингвокультур, «передвижение» артефактов из одной культуры в другие, общность фоновых знаний, связывающих культурно маркированные единицы языка с «квантами» культуры, обусловили наличие во фразеологическом фонде любого языка интернациональных и заимствованных фразем.

Фраземы, связанные дискурсивным пространством архетипных мифологем, являются, с одной стороны, одновременно моделью и реальностью как древнейшей картины мира, так и культуры – с её устойчивыми, законченными, истинными смыслами. А с другой стороны, такие фраземы готовы к мобилизации человечеством для неустанного созидания смысла, что объясняется многомерностью языковой модели мира, обуславливающей выделение в ней множества взаимосвязей.

Конкретно-чувственный и вместе с тем предельно общий мифологический взгляд на мир, объективированный во фраземике русского языка, насыщен оценочно-образными ассоциациями, которые, на первый взгляд, могут казаться случайными или прихотливыми. Ср. фраземы *метать перуны* – «сердиться, сильно ругать кого-л., неистовствовать», *перуны блещут* – «о сверкании молний», которые восходят к славянским мифологическим представлениям о Перуне, верховном языческом божестве, и их общеупотребительный синоним *метать громы и молнии* – «бушевать, неистовствовать, кипеть яростью, громить кого-л. (обычно слабейшего, подчиненного)». Не всегда удается понять принципиальные черты мифологического мышления. Содержательный остов «первомифов» в структуре фразеологического значения составляют те врожденные и, по-видимому, общечеловеческие первообразы, которые вслед за К.Г.Юнгом стали называть архетипами, которые через русскую фраземику продолжают жить в русской культуре. Такая врожденная предрасположенность вырабатывать параллельные образы, точнее идентичные психические структуры, общие

для всех людей, как архетипы «коллективного бессознательного», прослеживается, например, в таких фраземах, как: *бояться как (пуще) огня* – «очень бояться кого-, чего-либо», *бежать/убежать как от огня* – «бежать быстро, без оглядки, спасаясь от опасности», *из огня да в полымя* – «из одной неприятности в другую, еще большую», которые связаны внутренней формой с древним испытанием огнем. Такого «Божьего суда» очень боялись и старались избежать его.

Картина мира современного человека существенно отличается от архаической картины мира. Однако представление архаической картины мира нередко в переосмысленном, интерпретированном виде представлено во фраземике современного русского языка. Ср. архаичные картины мира, представленные во фраземах, например: выражение *без роду-племени, ни роду ни племени* – «о человеке без родины, без родственных связей; об одиноком человеке» – своими корнями уходит в праславянскую общность и связано с особым культом восточных славян **Рода** – божества, с которым связано рождение всего живого. Слово *род* в данном обороте обозначало ближайших родственников, а *племя* – дальних родственников.

Фразеологический образ мира формируется у человека в процессе всей его жизнедеятельности как абстрактный инвариант восприятия мира, отражает практическую «вовлеченность» человека в мир, связан с реальными условиями его общественной и индивидуальной жизни и составляет ядро картины мира. Вербальная объективация продуктов такого отражения единицами косвенно-производной семантики закономерна, так как фразеологическое значение сохраняет во временном пространстве деривационную память об источниках фраземообразования как номинативного, структурно-семантического, так и когнитивного характера. Разные призмы мирозидения, отраженные в сознании и репрезентированные в речи фраземами, свидетельствуют о том, что фразеологический образ мира через концепты, вербализованные фраземами, хранится в менталитете народа или отдельных его социальных групп и передается из поколения в поколение.

За фразеологической картиной мира признается концептуальное содержание, где основной единицей выступает концепт – имя того или иного дискурсивного поля и тот речемыслительный эпицентр, вокруг которого порождается дискурс – деривационная база знаков косвенно-производной номинации, так как именно в языке отражаются особенности мирозидения как отдельного человека, так и национально-культурного сообщества, взгляды на мир в целом и на каждый из его объектов в отдельности.

Образ мира, модель мира как отдельные системы представляют собой относительно завершённый и целостный фрагмент глобального образа мира, который является основой субъективного миропонимания, результатом духовной активности человека по освоению всей своей предметно-практической деятельности, так или иначе получившей отображение во фразеологической семантике. В итоге, глобальный образ мира усилиями

коллективной лингвокреативной деятельности этнокультурного сообщества превращается в этноязыковую картину мира: во-первых, этносы используют разные средства (в т.ч. и фразеологические) интериоризации и семиотизации открытого для себя (познанного) мира; во-вторых, у каждого из них уже имелась ранее сложившаяся система мировосприятия, обусловившая специфику концептосферы национальной идиоматики.

Фразеологический образ мира как систематизированная совокупность образов, через которые осознаётся как сам мир, так и характер ценностей, особенности миропонимания, оценка событий, объектов отражённой действительности, составляет ядро фразеологической картины мира.

Картина мира расширяется в результате изменения фразеологического образа мира, фрагменты которого постоянно взаимодействуют, стимулируют новые догадки и неожиданные ассоциации, обогащаются новыми современными знаниями, что ведёт к изменению и расширению общего «каркаса» картины мира – модели мира.

Фразеологические модели мира различаются в силу того, что отображают различные представления о мире внутри различных этносов в виде взаимосвязанных универсальных понятий в каждой лингвокультуре, равнодоступных для общего восприятия всем человечеством и исходящих из общего культурно-исторического посыла. Являясь духовным феноменом, фразеологическая модель мира как образование языковой природы в своей структуре имеет план выражения и план содержания, проявление которых зависит от языковой ментальности.

Восприятие действительности обладает этническими константами, ценностями, принципами, традициями, представлениями о жизни, о мироздании и является отражением целостного восприятия мира, сложившегося в длительном процессе исторического развития народа и способного быть представленным фразеологическими образами. Например, в таких русских фраземах, как *бегать (бежать) как чёрт от ладана* от кого, *избегать как чёрт ладана* кого – ‘любыми средствами стремиться избавиться от чего-, кого-либо; всячески избегать кого-, чего-либо’; *у чёрта на куличках (к чёрту на кулички)* – *прост.* ‘очень далеко; неизвестно где, в глуши’, – превалирует образ «нечистой силы». А в чешских фраземах, имеющих смысл ‘избавляться от’, фигурируют элементы ландшафта и природного мира. Ср. фраземы *posilati do háje* – ‘посылать к чёрту’ (букв. “посылать в лес”); *je za horami* – ‘его и след простыл’, ‘он очень далеко’ (букв. “он за горами”); *jdi k šipku* – ‘иди к чёрту’ (букв. “иди на шиповник”). Разные «фразеологические» призмы мировидения свидетельствуют о том, что фразеологический образ мира хранится в менталитете народа или отдельных его социальных групп и передается из поколения в поколение.

Этнокультурная специфика фразеологической семантики обуславливается особой культурологической значимостью фразем, природой их когнитивных категорий, совмещающих в себе универсальное и идиоэтниче-

ское отражение реального мира и «возможных миров» (термин Л. Витгенштейна), служащих когнитивным субстратом фразеологической семантики, которая представляет в языковом сознании субъективную интерпретацию концептуальной картины мира в виде амальгамы фразеологической семантики, концепта и дискурса. При этом целесообразно различать **дискурсивное пространство** фраземы, характеризующееся протяжённостью и объёмом, – интернациональную категорию, представляющую собой речемыслительный ареал существования знаков косвенно-производной номинации и **дискурсивное поле** фраземы – пространственную идиоэтническую категорию, в пределах которой проявляется взаимодействие идиоматики, сознания и культуры. Фраземы выполняют функцию коллективной культурной памяти, в качестве которой они, с одной стороны, обнаруживают способность к непрерывному пополнению, а с другой, – к актуализации одних аспектов вложенной в них информации и временному или полному забыванию других.

Этнокультурные знания, объективированные фраземами, форматируются определённым набором **фасет**, каждая из которых по-своему упорядочивает языковую картину мира.

Понятие фасеты (франц. *facette* букв. ‘грань’; ср. синтагматические связи производных его русского коррелята: грани зеркала, грани бриллианта, гранёный, огранённый драгоценный камень, многогранный; филигранный – ‘отличающийся отделкой мельчайших деталей, тонко сработанный’), на наш взгляд, является оптимальным для выделения интерпретанты дискурсивного пространства, внутри которого рождается и с которым сохраняет свою генетическую связь фраземный знак.

Фразема как интерпретанта дискурсивного пространства преобразует соответствующее семиотическое содержание культуры в семантику фраземы. Под **фразеологической фасетой** нами понимается аспектное представление дискурсивного смысла «когнитивного многогранника», содержащего одну из лингвокреативных интерпретаций фразеологического концепта – импликационала соответствующего фразеологического значения.

Как пример можно привести такие фасеты, как: «верования»: содержит знания древних (например, языческие верования или религия Древней Греции) и современных религий; знания о предметах культа, оккультные знания, знания различных исторических, общественных и личностных факторов; «обряды»: содержит знания о традиционном порядке совершения каких-либо действий, связанных с определенными днями года (например, жатва) и бытовыми событиями (например, свадьба или похороны); «обычаи»: содержит знания традиционных правил поведения в определённых ситуациях, знания о традиционном порядке совершения каких-либо общественных действий; «нравственные ценности»: содержит знания о правосознании, морали, об отношении людей к свободе и собственности.

Итак, семиотическая система культуры (хранительница своеобразной исторической памяти народа), представляющая собой фасеты многогранного мира, – важный источник формирования фразео-семантического пространства. В свою очередь, фраземика, в силу кумулятивной функции, служит тем трансформатором, благодаря которому даже древнейшие пласты культуры остаются востребованными в современной речемыслительной деятельности.

Фраземика обеспечивает диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее, в такой межпоколенной трансляции синхрония уживается с диахронией, традиция с эволюцией. Усиленное внимание к диахронической ретроспективе фраземики является перспективной базой будущих когнитивистских исследований.

В.И. Коваль

*Гомельский государственный
университет, Белоруссия*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ *КОНЬ*: ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ

Фразеологизмы, включающее в свой состав компоненты-зоонимы, относятся, как правило, к числу этнофразем – устойчивых словосочетаний, генетически связанных со сферой народной духовной культуры. Зооним в подобных случаях оказывается семантическим центром фразеологизма, концентрированно выражающим его «внутреннюю логику», которая, в свою очередь, может быть понята, с одной стороны, при обязательном «погружении» того или иного фразеологизма во внеязыковую действительность (традиционные обычаи, обряды, верования и архаичную символику), а с другой – с учетом его моделируемого характера, т.е. структурно-деривационных и семантических особенностей, свойственных другим родственным фраземам. Именно такой подход, дающий возможность поместить немотивированный оборот в «перекрестие» парадигматики и синтагматики, позволяет наиболее объективно выявить его внутреннюю форму [Коваль 1998].

Предметом нашего рассмотрения являются эвфемистические фразеологизмы, относящиеся к любовно-эротической сфере, употребляющиеся в белорусских народных песнях. Фактический материал выписан из двух томов собрания белорусского фольклора «Беларуская народная творчасць» – «Песні пра каханне» (далее – ПК) и «Вяселле» (далее – Вяс.). Важно подчеркнуть, что народные любовно-брачные песни характеризуются обилием иносказательных, эвфемистических выражений. Одним из первых на эту особенность обратил внимание основоположник белорус-